

Алексей Исаев. Инструмент «блицкрига»

Внушительные успехи танковых войск Германии в период «блицкригов» 1939-1942 годов уже много лет остаются одной из загадок Второй мировой войны. Целые государства рассыпались, словно карточные домики, под ударами танковых клиньев. Серые танки с «балочными крестами» на бортах и мотоциклисты на «Цундапах» и «БМВ» врываются в города в глубоком тылу, когда по их улицам еще ходили трамваи. Брошенные автомашины с распахнутыми дверями, скособочившиеся в кюветах танки, унылые колонны военнопленных в униформе разных стран — эти хорошо известные по фото- и кинохронике картины сопровождали путь немецких танковых войск на протяжении почти трех лет войны. Слово «панцер» (танк), как и «штука» (пикирующий бомбардировщик), стало символом успехов Германии в начальном периоде войны.

Первой загадкой этого являются качества танков. Все широко известные успехи были достигнуты с не самой совершенной материальной частью. Немецкие танки в большинстве случаев уступали по формальным параметрам толщины [355] брони, калибра орудия танкам противника. Во Франции в 1940 году противником немецких танкистов были машины Сомуа S-35 и B1bis, превосходившие наиболее совершенные на тот момент немецкие танки Pz.III, Pz.IV по бронированию и возможностям орудия. В СССР в 1941-1942 годах танковые войска Красной Армии имели на вооружении значительное количество Т-34 и KB, обладавших над немецкими танками подавляющим превосходством по измеряемым в миллиметрах и километрах величинах — ведь значительную часть танкового парка Вермахта в период самых громких побед 1939-1941 годов составляли легкие танки Pz.I и Pz.II.

Второй загадкой является отсутствие количественного превосходства, которое могло бы хотя бы теоретически компенсировать недостатки техники. Например, 1 мая 1940 г. в составе германской армии было 1077 Pz.1, 1092 Pz.II, 143 Pz.35(t), 238 Pz.38(t), 381 Pz.III, 290 Pz.IV и 244 вооруженных только макетами орудий и пулеметами командирских танков. Французская армия имела 1207 легких танков R-35, 695 легких танков H-35 и H-39, примерно по 200 танкеток AMC-35 и AMR-35, 90 легких FCM-36, 210 средних D1 и D2, 243 средних Сомуа S-35, 314 тяжелых B1 различных модификаций.

Понимание очевидного факта качественного и количественного превосходства танков противников Вермахта привело к продолжению поиска ключевых для результатов операций различий в плоскости техники. Одной из попыток объяснить эффективность «панцерваффе» является, например, пропаганда мифа о радиофикации боевых машин. Якобы немецкие танки были поголовно радиофицированы и поэтому могли эффективнее вести танковый бой. Реально радиостанции в том понимании, которое вкладывают в этот термин сторонники данной версии, то есть приемопередатчики, были лишь у командиров подразделений — от взвода и выше. По штату февраля 1941 года в легкой танковой роте танкового батальона немецкой танковой дивизии приемопередатчики Fu.5 устанавливались на трех Pz.II и пяти Pz.III, а на двух Pz.II и двенадцати Pz.III ставились только приемники Fu.2. В роте средних танков приемопередатчики имели пять Pz.IV и три Pz.II, а два Pz.II и [356] девять Pz.IV — только приемники. (См.: Jentz T. Panzertrappen. The complete guide to the creation and combat employment of Germany's tank force. 1939-1942. Schiffer Military History. 1996. P. 274.) На Pz.I приемопередатчики Fu.5 вообще не ставились, за исключением специальных командирских kIPz.Bef.Wg.I.

Кстати, радиофикация танковых войск РККА в 1941 году была не такой уж плохой. Например, в 19-й танковой дивизии 22-го механизированного корпуса, столкнувшейся с танкистами Э. фон Макензена 24 июня 1941 года под Бойницей, имелось 47 танков Т-26 однобашенных радионных, 75 Т-26 однобашенных линейных, 6 танков БТ-7 линейных, 6 БТ-7 радионных, 14 танков БТ-5 линейных, 3 БТ-5 радионных, 5 БТ-2 пулеметных (без радиостанций) (ЦАМО. Ф. 3018, оп. 1, д. 11, л. 189, данные на 10 июня 1941 г.). Если мы возьмем брутто-цифры по всем западным округам, то на 22 июня в них числилось 1993 танка Т-26 однобашенных линейных, 1528 Т-26 однобашенных радионных, 1499 танков БТ-7 линейных, 1212 БТ-7 радионных (Боевой и численный состав ВС СССР в период Великой Отечественной войны. Статистический сборник № 1. М.: Институт военной истории МО РФ, 1994. С. 133). Да, у немцев было больше полевых радиостанций, но доля танков с приемопередатчиками была выше в механизированных корпусах РККА. Разницы в радиофикации, переходящей из количества в качество, не наблюдается.

Еще одна получившая хождение теория гласит, что танковые войска Франции и СССР были побеждены не в бою, а техническими или организационными проблемами. Приводятся цифры потерь вследствие выхода из строя двигателя, элементов трансмиссии, демонстрируются фотографии брошенных вследствие отсутствия топлива или поломок танков. Говорят: «Вот если бы они доехали до немцев, то уж неминуемо их разгромили!» Однако этот тезис не подтверждается статистикой потерь. В частности, механизированные корпуса РККА по крайней мере половину машин (как: Т-34 и КБ, так [357] и БТ и Т-26) потеряли в бою. Исключения из этого правила встречаются как в одну (потери Т-35, потери КВ-2 в прорывавшейся по Припятским болотам 41-й танковой дивизии), так и в другую сторону (избиение легких танков 5-го и 7-го механизированных корпусов под Лепелем).

Потери по техническим причинам были неизменным спутником неблагоприятной стратегической обстановки. Для сравнения можно привести данные по боевой деятельности соединений, почти постоянно подчинявшихся корпусу фон Макензена, 14-й танковой дивизии в период неудач Вермахта осенью 1943 года. В октябре 1943 года дивизия прибыла на Восточный фронт из Франции, где проходила пополнение и переформирование. Соединение действовало в схожих с мехкорпусами 1941 года условиях, вело маневренные оборонительные бои севернее Кривого Рога. Дивизия вступила в бой 28 октября в составе 49 танков Pz.IV, 44 САУ StuG.III, 7 огнеметных (Flamm) танков, 9 командирских машин и вела боевые действия в составе все той же 1-й танковой армии, которой подчинялся корпус фон Макензена в течение всего повествования «От Буга до Кавказа». Осенью 1943 года дивизии повезло меньше. Всего за шестнадцать дней боев сгорели 9 танков Pz.IV, 6 танков этого типа требовали заводского ремонта вследствие боевых повреждений, 6 «четверок» были оставлены поврежденными на территории противника вследствие поломок, 7 машин вышли из строя вследствие длительных маршей и были брошены из-за отсутствия возможностей отбуксировать их в тыл. Схожую картину демонстрировали САУ «Штурмгешюц». 12 самоходок сгорело в бою, одна — подбита и требовала заводского ремонта, 6 «штугов» были оставлены на территории противника вследствие боевых повреждений, 4 — оставлены вследствие поломок, 2 — из-за невозможности отбуксировать в тыл после

выхода из строя на марше.

Общий неблагоприятный ход боевых действий неизбежно повышает уровень небоевых потерь. Все это не мешает существовать примерам, когда советские танки доезжали до цели и проигрывали в открытом бою. Это, во-первых, город Рассеняй в Прибалтике в первые дни войны, когда [358] оснащенная танками 35(t) чехословацкого производства 6-я танковая дивизия XXXXI моторизованного корпуса генерала Рейнгардта, к которой позднее присоединилась 1-я танковая дивизия того же корпуса, окружили и уничтожили 2-ю танковую дивизию советского 3-го механизированного корпуса. Это произошло несмотря на то, что советская дивизия имела на вооружении почти полсотни KB-1 и KB-2, Второй пример — это Алитус, где 7-я танковая дивизия, опять же оснащенная танками 38(t) чехословацкого производства, в первый день войны в боях за мосты на Немане заставила отступить 5-ю танковую дивизию 3-го механизированного корпуса, оснащенную 50 T-34, 30 трехбашенными средними танками T-28 и 170 легкими танками БТ-7. Третий пример — Радзехув на Украине, где боевая группа 11-й танковой дивизии немцев 23 июня 1941 года смогла успешно провести бой против передовых отрядов 10-й танковой дивизии 15-го механизированного корпуса и 32-й танковой дивизии 4-го механизированного корпуса. Потери передового отряда 10-й танковой дивизии составили 20 танков БТ и 6 танков T-34. Четвертый пример — все та же 11-я танковая дивизия, которая вполне успешно вела встречное сражение с двумя танковыми дивизиями 2-го механизированного корпуса к северу от Умани в 20-х числах июля 1941 года. Наконец, 13-я танковая дивизия корпуса Э. фон Макензена после прорыва «линии Сталина» сумела почти полностью уничтожить батальон T-34, только что прибывший с завода и включенный в состав 40-й танковой дивизии 19-го механизированного корпуса

Если французские и советские танки теоретически могли «не доехать» до наступающих немецких танковых дивизий, то столкновение с противотанковой артиллерией было неизбежно. Скорострельные противотанковые пушки, появившиеся в больших количествах в 1930-х годах, заставили изрядно потускнеть образ танка как чудо-оружия, сложившийся в Первую мировую войну. Приземистая, легко

перемещаемая силами расчета 25-47-мм пушка с полуавтоматическим затвором могла выпускать по десятку бронебойных снарядов в минуту. Защищенные противопульной броней танки становились для [359] таких орудий легкой жертвой. Комкор Д. Г. Павлов, опираясь на опыт войны в Испании, обескураженно писал, что одна противотанковая пушка может вывести из строя сразу несколько танков, оставаясь для них неуязвимой. Этот неутешительный вывод подтвердили и конфликты с Японией и Финляндией в 1939-1940 годах. Однако немецкие танковые войска, казалось, безболезненно преодолевали оборону с 37-мм и 47-мм скорострельными противотанковыми пушками.

Одним словом, у немцев в руках был некий механизм, который позволял эффективно проводить крупномасштабные операции с сокрушительными результатами против численно и качественно превосходящего их по танкам противника. Что же это был за механизм?

Чтобы разобраться в этом, понадобится небольшой экскурс в историю танка. Стилистика применения этого вида вооружений, характерная для Вермахта, была вовсе не очевидна на заре появления танков, в Первую мировую войну. Тогда это было средство сопровождения пехоты, танки должны были ехать рядом с солдатами и уничтожать мешающие их продвижению пулеметы. Позднее появилась еще задача уничтожения артиллерийских позиций. Но в любом случае деятельность танков ограничивалась непосредственной организацией прорыва фронта противника. Вопрос развития тактического прорыва в оперативный оставался открытым. Так, под Камбрэ в 1917 году в прорыв должна была войти... канадская конница! Старым добрым лошадям предстояло развивать успех стальных чудовищ нового времени.

Эта тенденция сохранилась и в межвоенный период. Танки нацеливались прежде всего на поражение фронта противника на всю его глубину. Глубина эта, впрочем, ограничивалась 10-12 километрами. Одни танки должны были поддерживать наступающих пехотинцев, другие — прорываться до позиций артиллерии и уничтожать их, прекращая град снарядов, сыплющийся на идущих в атаку солдат. По страницам учебников кочевали тактические приемы атаки артиллерийских батарей и подавления пулеметов. Еще одной задачей танков должна была стать борьба с себе

подобными, то есть [360] отражение танковых контратак противника в ходе прорыва фронта его обороны.

В целом можно сказать, что танки рассматривались как механизм преодоления позиционного кризиса Первой мировой войны на тактическом уровне. Вопрос развития тактического прорыва в оперативный подробно не разрабатывался. Проще говоря, особая роль танков после взлома обороны противника не просматривалась. В какой-то мере принципиально новую функцию пытались возложить на танки де Голль и Фуллер, но их идеи «профессиональных» моторизованных армий были довольно слабо проработаны и отклика не получили. В частности, они противопоставляли механизированную армию профессионалов миллионам рекрутов, вершивших историю на полях Первой мировой войны — хотя, как показала практика, танки и рекруты друг с другом вполне гармонично сочетаются. Более того, даже полностью моторизованные «профессиональные армии» не могли обходиться без поддержки десятков пехотных дивизий.

Синтез идеи полностью моторизованной армии и миллионной армии пехотинцев был осуществлен в Германии. В середине 1930-х годов у немцев был разработан принципиально новый организационно-штатный механизм использования танков. После прихода Гитлера к власти началось бурное развитие всех видов вооруженных сил Германии — словно распрямилась пружина, сжатая за годы формального исполнения Версальского договора. Одним из важных этапов стало строительство танковых войск. 12 октября 1934 года в Германии была завершена разработка схемы организации первой танковой дивизии Вермахта. На этой схеме впервые появились элементы, ставшие характерными чертами дивизий, дошедших до Дюнкерка и Кавказа. Она должна была состоять из двух танковых полков, полка мотопехоты, батальона мотоциклистов, разведывательного батальона, батальона истребителей танков, артиллерийского полка, тыловых и вспомогательных частей.

18 января 1935 года инспектор моторизованных войск генерал Лутц выпустил приказ на формирование трех [361] танковых дивизий. Этот день можно условно считать датой рождения нового механизма ведения войны. Соединения нового типа должны

были быть сформированы к 1 октября 1935 года. По штату дивизия должна была насчитывать 12 953 человека, 4025 колесных машин и 418 танков. Появилось вооруженное танками самостоятельное соединение, способное вести бой в отрыве от своих войск в глубине обороны противника. Самостоятельность действий обеспечивалась сочетанием в одном соединении танков, артиллерии, средств разведки и связи, Дивизии должны были комплектоваться жалкими Pz.I с двумя пулеметами, но на свет появилось сооружение, способное на нечто большее, чем просто взлом обороны противника. Вместо Pz.I могли быть хоть автомашины, зашитые фанерой под танки. Произвести танки и наполнить форму соответствующим содержанием было уже делом техники и времени. Главное — новаторская идея использования танковых войск — уже было в наличии.

В чем же была суть новшества? Создание организационной структуры, включающей танки, моторизованную пехоту, артиллерию, инженерные части и части связи, позволяло не только осуществлять прорыв обороны противника, но и развивать его вглубь, отрываясь от основной массы своих войск на десятки километров. Танковое соединение становилось в значительной мере автономным и самодостаточным. Это позволяло ему вести бой с резервами противника, захватывать важные пункты в тылу самостоятельно, не ожидая подхода пехотных дивизий и сопровождающих их полков артиллерии. Взорванный мост на своем пути танковая дивизия могла восстановить с помощью моторизованного понтонного батальона или даже сборного металлического моста. Саперные части дивизии могли снять минные поля, разрушить заграждения. Артиллерия позволяла на равных вести артиллерийскую дуэль с встретившимися на пути резервами противника. Наконец, пехота могла помочь удерживать захваченный в глубине обороны пункт, препятствуя отходу окружаемых корпусов и дивизий или подготавливая плацдарм для дальнейшего наступления.[362]

Танковые соединения теперь не просто должны были взломать фронт обороны противника быстрее, чем он подтянет достаточно резервов для «запечатывания» прорыва, - они должны были сотрясти всю систему обороны, став средством проведения операции с решительными целями. Превосходство танковых дивизий в

подвижности над основной массой войск должно было обеспечить смыкание танковых «клещей» за спиной окружаемых армий быстрее, чем те смогут отойти назад. Старая идея немецкой военной школы, так называемые «канны», - сражение на окружение охватом войск противника ударами по сходящимся направлениям — получила новое средство для своей практической реализации. Теперь классический «кессельшлахт» (буквально — «котельная битва», операция на окружение) станет визитной карточкой Вермахта, повторяясь на разных театрах военных действий по схожей схеме.

Танки становились стратегическим средством борьбы. Теперь появилась возможность реализации на практике «философского камня» военного искусства, проведение молниеносной войны против сильного противника. Окружив и уничтожив с помощью нового инструмента крупную группировку противника, немцы тем самым вынуждали его латать пробитый фронт, растягивать войска и расходовать резервы, чтобы оказаться жертвами новых «кессельшлахтов».

В сентябре 1939 года история дала нам уникальный шанс обкатать еще сырой механизм на заведомо слабом противнике — Польше. В 1939 году организационная структура танковой дивизии Вермахта еще окончательно не сложилась. Наиболее распространенной организацией была двухполковая танковая дивизия. Она состояла из танковой бригады (два танковых полка по два батальона каждый, около 300 танков, 3300 человек личного состава), моторизованной пехотной бригады (моторизованный пехотный полк, примерно 2000 человек) и мотоциклетного батальона (850 человек). Общая численность личного состава дивизии была примерно 11 800 человек. Артиллерия дивизии состояла из шестнадцати 105-мм легких полевых гаубиц leFH18, восьми 150-мм тяжелых [363] полевых гаубиц sFH18, четырех 105-мм пушек K18, восьми 75-мм легких пехотных орудий, 48 противотанковых пушек.

Такую организацию имели пять немецких танковых дивизий, с 1-й по 5-ю. Помимо этого в вермахте была именная танковая дивизия «Кемпф» и 10-я танковая дивизия, имевшая один танковый полк двухбатальонного состава. Промежуточное положение между этими двумя полюсами занимала 1-я легкая дивизия, состоявшая из трех танковых батальонов. Наконец, последней формой организации танковых войск

вермахта были так; называемые легкие дивизии, имевшие всего один батальон танков. Соответственно боевая сила их была достаточно скромной — например, в 4-й легкой дивизии имелось 34 Pz.I, 23 Pz.II и пять командирских танков.

Первые бои показали недостатки организации танковых дивизий — например, беспомощность «панцерваффе» в самостоятельных действиях у Варшавы. По итогам кампании была начата реорганизация немецких танковых войск, продолжавшаяся с октября 1939 по май 1940 года. Организация была упорядочена, теперь не осталось никаких «легких» дивизий, а танковые войска Вермахта были представлены десятью танковыми дивизиями. Шесть из них были четырехбатальонного состава (1-5 и 10-я), три — трехбатальонного (6-8), одна — двухбатальонного (9-я). После разгрома Франции последовала новая реорганизация, в результате которой немецкие танковые войска приобрели тот вид, в котором они фигурируют на первых страницах «От Буга до Кавказа».

Число танковых дивизий Вермахта в результате этой, наиболее важной реорганизации, было удвоено. Удвоение числа дивизий происходило путем дробления существующих дивизий и создания на базе высвобождающихся танковых полков новых дивизий. Теперь во всех танковых дивизиях Вермахта был один танковый полк двух- или трехбатальонного состава вместо двух. В значительной степени это была замена количества качеством. Танковый батальон немецкой танковой дивизии состоял из одной средней и двух легких танковых рот. Перед французской кампанией рота средних танков по штату от 21 февраля 1940 г. состояла из восьми танков Pz.IV, [364] шести Pz.II и одного командирского танка на шасси Pz.1. Штат K.StN.11751 от 1 февраля 1941 года (1 KStN. (Kriegsstärkenachweisung) — штаты военного времени (нем.)). предусматривал в составе роты средних танков 14 танков Pz.IV и 5 Pz.II. Фактически во всех танковых дивизиях к началу «Барбароссы» отсутствовал 3-й взвод в роте, и она насчитывала 10 Pz.IV.

Еще более радикальные изменения постигли легкие танковые роты. Перед французской кампанией в составе рот этого типа было всего семь Pz.III, восемь Pz.II,

четыре Pz.I и один командирский танк на шасси Pz.I. Штат февраля 1941 года предусматривал уже семнадцать танков Pz.III и пять Pz.II. То есть ударные возможности танковой роты возрастали почти вдвое.

Уменьшение общего числа батальонов в дивизии компенсировалась количественным и качественным наращиванием ударных возможностей танковых рот батальонов. Фактор латания «тришкиного кафтана», разумеется, здесь тоже присутствовал. Оптимальной структурой все же был бы трехбатальонный танковый полк. Так что идеальная танковая дивизия была в Вермахте в июне 1941 года единственной — 3-я танковая дивизия XXIV моторизованного корпуса 2-й танковой группы Г. Гудериана, Ее танковый полк состоял из трех батальонов и насчитывал 58 танков Pz.II, 29 танков Pz.III с 37-мм пушками, 81 танк Pz.III с 50-мм пушками, 32 танка Pz.IV и 15 командирских машин. Командовал дивизией Вальтер Модель, впоследствии ставший одним из видных немецких полководцев Второй мировой войны, прославившийся обороной ржевского выступа и восстановлением фронта группы армий «Центр» после катастрофы «Багратиона» в 1944 году. Дивизии, вооруженные танками чехословацкого производства 35(t) и 38(t), остались трехбатальонными — но это уже была не оптимизация, а компенсация невысоких характеристик техники ее числом. Однако в группу армий «Юг» — и соответственно, в корпус Э. фон Макензена в 1941 году ни одна трехбатальонная дивизия не попала. Все его подопечные были сформированы [365] осенью 1940 года и имели танковый полк двухбатальонного состава.

Впрочем, не танки были «изюминкой» структуры соединения. Немецкая танковая дивизия 1941 года (общая численность личного состава 13 700 человек) включала в себя танковых полк: (около 2600 человек), мотопехотную бригаду из двух моторизованных полков по два батальона каждый (около 6000 человек), мотоциклетный батальон (1078 человек)» разведывательный батальон и артиллерийский полк трехдивизионного (вместо двухдивизионного в 1940 году) состава. Соответственно, на два или три танковых батальона приходилось четыре мотопехотных и один мотоциклетный батальон. Артиллерия танковой дивизии состояла из двадцати четырех 105-мм легких полевых гаубиц leFH18, двенадцати 150-

мм тяжелых полевых гаубиц sFH18, четырех 150-мм тяжелых пехотных орудий sIG-33 (по два в каждом мотопехотном полку), двадцати 75-мм пехотных орудий leIG18 и тридцати 81-мм минометов. Иногда четыре 150-мм тяжелых гаубицы заменяли 105-мм пушками K18, способными поразить любой советский танк до KV включительно.

Основной задачей гаубичной артиллерии дивизии было поражение артиллерии противника — в первую очередь, противотанковой. Соответственно проблема противостояния танков со сравнительно тонкой броней и скорострельной 37-47-мм пушки решалась ударом по последней тяжелыми снарядами 105-мм и 150-мм гаубиц. Огонь артиллерии подавлял систему противотанковой обороны, а танки уже добивали отдельные уцелевшие под шквалом огня орудия. Собственно противотанковая артиллерия танковой дивизии Вермахта была представлена сорока восемью орудиями двух типов — 37-мм Pak-35/36 и 50-мм Pak-38. Последние были новейшим образцом противотанковой артиллерии Вермахта, способным бороться с Т-34 и KV. Однако их было еще немного, и основную массу противотанковой артиллерии танковой дивизии Вермахта составляли 37-мм Pak-35/36. Помимо собственных средств борьбы с танками противника, дивизия, как правило, располагала приданными зенитками, формально [366] подчинявшимися Люфтваффе. Как 20-мм и 37-мм автоматические пушки, так и широко известные 88-мм зенитки Flak36 подразделений Люфтваффе широко применялись для борьбы с танками. Помимо использования по своему прямому назначению (против танков), противотанковые пушки использовались немцами для сопровождения танковой атаки. Орудия занимали статичные позиции на переднем крае и после перехода танков в атаку вели огонь по проявляющим себя противотанковым орудиям и пулеметам противника. Расчеты противотанковых пушек обладали куда лучшим обзором, чем танкисты в раскачивающемся на ухабах тесном танке, и могли резко повысить эффективность действий подразделения в целом.

Очередная реорганизация привела немецкие танковые войска к своего рода «золотому сечению» организационной структуры. После двух успешных кампаний немцы подобрали соотношение между танками и мотопехотой, оптимальное для эффективного использования боевых машин соединения и обеспечения его хорошей

управляемости. Сильный артиллерийский удар обеспечивал танковой дивизии Вермахта уверенное ведение артиллерийской дуэли как в наступлении, так: и в обороне. Советские механизированные корпуса, несмотря на ряд важных шагов по реорганизации танковых войск РККА, существенно отставали по балансировке компонентов механизированного соединения, были перегружены танками, недогружены пехотой и уступали по возможностям артиллерийского удара. Все это обусловило в целом худшие результаты действий танковых соединений РККА по сравнению с Вермахтом в сходной обстановке или друг против друга.

Вместе с тем по некоторым параметрам танковые дивизии 1941 года были еще далеки от идеала. Наиболее острой была нехватка бронетранспортеров для пехоты. Полугусеничные БТР Sd.Kfz.251, известные также как БТР «Ганомаг», танковые дивизии Вермахта 1941 года имели в незначительном количестве. В лучшем случае ими оснащалась рота пехотинцев. В случае с корпусом Э. фон Макензена 14-я дивизия корпуса вообще не имела БТРов, все пехотинцы перемещались на [367] марше в автомашинах, а в бою — на своих двоих. В 13-й танковой дивизии «Ганомаги» были только в 1-й роте 66-го мотопехотного полка.

Не всем свежесформированным соединениям удалось получить «убийцы KV», 10-см корпусные пушки K18. В 1-й танковой группе, которой принадлежал корпус Э. фон Макензена, только одна дивизия — 11-я танковая XXXXVIII моторизованного корпуса — имела на вооружении орудия этого типа. У остальных, включая обе дивизии корпуса фон Макензена, в артиллерийском полку были только 150-мм тяжелые гаубицы.

Еще одной слабой стороной немецких танковых войск 1941 года были моторизованные дивизии, совершенно не имевшие танков. В состав корпуса фон Макензена в разные периоды 1941 года включались две дивизии этого типа, 25-я и 60-я моторизованные. В отличие от обычных пехотных дивизий они имели два, а не три полка пехоты, которые, однако, были полностью моторизованными. Артиллерийский полк моторизованных дивизий был трехдивизионного состава, в отличие от четырех дивизионов в обычной пехотной дивизии, но орудия в нем буксировались скоростными полугусеничными тягачами.

Эффективное использование всех компонентов подвижных соединений Вермахта обеспечивалось формированием из их частей так называемых боевых групп (Kampfgruppe). Боевая группа представляла собой временное соединение из частей различных родов войск, входящих в дивизию. Ядром боевой группы становился танковый или пехотный полк, которому придавались дивизионы артиллерийского полка, батареи противотанкового дивизиона, роты саперного батальона. Часто боевая группа получала в свое распоряжение средства усиления, приданные дивизии из корпуса. Возглавлял боевую группу командир полка, а в случае танковых частей — командир пехотной бригады или танкового полка. На выходе получалась достаточно компактная и подвижная группа, сочетавшая в себе все огневые средства дивизии и корпусные средства усиления от 88-мм зениток до 240-мм мортир включительно. Тем [368] самым автоматически решался вопрос взаимодействия войск, распоряжения артиллеристам и саперам отдавал сам командир боевой группы, без подачи заявок командиру дивизии или корпуса.

Еще одним характерным приемом действий германских войск является использование разведывательного батальона танковых и пехотных соединений в качестве самостоятельной моторизованной части. Помимо основных функций «глаз» дивизии, разведывательному батальону ставились задачи по захвату и удержанию тех или иных объектов. Это было характерно также для пехотных соединений, большая часть солдат которых двигалась пешком, а разведчики и истребительно-противотанковый батальон имели броневики и автотранспорт. Однако в сравнении с тремя бронеавтомобилями разведбата пехотной дивизии разведчики танковой дивизии обладали куда большими возможностями.

Штатная численность разведывательного батальона немецкой танковой дивизии составляла 407 человек, что примерно соответствовало батальону пехоты. Вооружение разведывательного отряда составляли двадцать пять бронеавтомобилей, три 37-мм противотанковых пушки, одиннадцать противотанковых ружей, два 75-мм легких пехотных орудия. Бронеавтомобили распределялись следующим образом. Один Sd.Kfz 247 (командирский бронеавтомобиль без вооружения) — в штабе роты

броневые автомобили батальона. Один Sd.Kfz 263 (восьмиколесный броневый автомобиль с одним 7,92-мм пулеметом и мощной радиостанцией) и четыре Sd.Krz 223 (четырехколесный броневый автомобиль с 7,92-мм пулеметом и радиостанцией среднего радиуса действия) — во взводе связи роты. Три Sd.Kfz 231 (восьмиколесный БА с 20-мм пушкой), три Sd.Kfe 232 (восьмиколесный БА с 20-мм пушкой) находились в первом (тяжелом) взводе роты броневых автомобилей. Наконец, четыре Sd.Kfz 222 (четырехколесный БА с 20-мм пушкой) и десять Sd.Kfz 221 (четырехколесный БА с 7,92-мм пулеметом) распределялись по второму и третьему (легким) взводам роты броневых автомобилей разведывательного батальона. Как четырехколесные, так и восьмиколесные броневые автомобили были [369] полноприводными и обладали неплохой проходимостью, что позволяло их использовать не только на шоссе. В целом разведывательный батальон был сильным и способным к самостоятельным действиям подразделением танковой дивизии; своего рода готовой боевой группой. Именно броневые автомобили 13-й танковой дивизии корпуса фон Макензена первыми вышли к предместьям Киева в июле 1941 года. Одна из бронемашин Sd.Kfz 231 дивизии стала трофеем защитников города.

Еще одним компонентом организационной структуры танковой дивизии, своего рода легкой кавалерией нового времени, были мотоциклисты. Помимо мотоциклов на разных уровнях соединения в качестве связной машины, в дивизии был мотоциклетный батальон. Батальон насчитывал 1078 человек личного состава, девять противотанковых ружей, пятьдесят восемь ручных пулеметов, четырнадцать станковых пулеметов, девять 50-мм и шесть 81-мм минометов, три 37-мм противотанковых и два 75-мм легких пехотных орудия. Транспортные средства батальона включали 137 автомашин, 196 мотоциклов с коляской и 71 — без коляски. По сути своей это был мотострелковый батальон на мотоциклах. То есть вместо грузовиков в мотоциклетном батальоне пехотинцы усаживались на мотоциклы и в общем случае вели бой в пешем порядке, используя мотоциклы лишь как транспорт. Соответственно каждое отделение пехоты из девяти человек перевозилось на трех мотоциклах с коляской и вооружалось одним ручным пулеметом, шестью карабинами и одним пистолетом-пулеметом (у командира отделения).

Для чего же городили этот огород, воспроизводя структур мотопехотной роты в облегченном варианте и на транспортном средстве сомнительной проходимости? Делалось это во имя скорости мотоциклов, превышающей таковую у колонны грузовиков. Это позволяло в определенных условиях (прорыв фронта и отсутствие какое-то время организованного сопротивления в тылу) выбрасывать вперед мотоциклетный батальон и захватывать с его помощью переправы и узлы коммуникаций.[370]

В условиях маневренной войны, когда идет гонка за захват и удержание того или иного важного пункта, выдвижение мотоциклистов могло сыграть важную роль — например, захват города или переправы до выхода к нему с целью занятия обороны оперативных резервов противника. Последние будут вынуждены вместо копания окопов и ожидания атаки танковой дивизии вести невыгодный для себя наступательный бой с тысячей пехотинцев с тяжелым оружием. Также мотоциклисты были частым источником паники в тылу противника, способствуя принятию неверных решений и напрасным маневрам резервами.

После того как мы осветили эволюцию организации механизированных соединений Вермахта, пришло время сделать шаг вверх по лестнице организационных структур и рассмотреть возможности моторизованного корпуса — соединения, которым собственно и командовал Э. фон Макензен. На 22 июня 1941 г. в состав корпуса входили:

о 14-я танковая дивизия (14. Panzer-Division);

о 44-я и 298-я пехотные дивизии (44,298. Infanterie-Division);

191-й батальон САУ «Штурмгешюц» (191. Sturmgeschutz Abt.);

II батарея 60-го дивизиона 100-мм пушек (II./60 10cm Kanonen-Abt. (mot));

II батарея 63-го дивизиона тяжелых гаубиц (II./63 schwere Feldhaubitzen-Abt. (mot));

607,735 и 857-й дивизионы 210-мм мортир (607, 735, 857.21cm Morser-Abt. (mot));

I батарея 814-го дивизиона 240-мм гаубиц (I./814.24cm Haubitzen-Abt. (mot));

731, 800-й дивизионы 15-см пушек (731, 800. 15cm Kanonen-Abt. (mot.));

627-й моторизованный саперный батальон (627. Pionier-Btl. (mot));

260-й саперный батальон, на лошадях (260. Pionier-Btl. (besp.));[371]

109-й и 110-й строительные батальоны (109, 110. Bau-Btl.);

о 54-й полк реактивных минометов (54. Nebelwerfer-Rgt.(d)(mot));

о 652-й моторизованный батальон истребителей танков (652. Panzerjager Abt. (3.7cm mot));

о 603-й батальон легких зениток (603. leichte Flak Btl.(mot));

Мы видим целую массу подразделений, напрямую не связанных с танками. Если подсчитать только танки, то корпус фон Макензена покажется лилипутом. На 22 июня 1941 года в 14-й танковой дивизии было 45 танков Pz.II, 15 танков Pz.III с 37-мм пушкой, 56 танков Pz.III с 50-мм пушкой, 20 танков Pz.IV и 11 вооруженных только пулеметами командирских танков. Позднее к 14-й танковой дивизии присоединилась 13-я танковая дивизия. Ее танковый парк также не поражал, воображение. На 22 июня в составе дивизии насчитывалось 45 танков Pz.II, 27 танков Pz.III с 37-мм пушкой, 44 танка Pz.III с 50-мм пушкой, 20 танков Pz.IV и 13 командирских машин (Jentz T. Op. tit P. 192.).

Казалось бы, эту весьма немногочисленную группу танков можно остановить без особого труда. Но реально за спиной у этих танков стояла крупная масса артиллерии до 240-мм калибра включительно, множество пехотинцев, противотанковых орудий, пулеметов и минометов. После прорыва фронта все это устремлялось за тремя сотнями танков в глубь вражеской обороны, сокрушая резервы и отбивая контратаки

механизированных корпусов.

Вся дивизионная артиллерия нарезалась на части и придавалась вышеупомянутым боевым группам. Вот как выглядела боевая группа 14-й танковой дивизии 3-го моторизованного корпуса Э. фон Макензена в боях у Луцка 28 июня 1941 года. Называлась она по имени командира — «кампфгруппой Штемпеля», состояла же из 108-го мотопехотного полка собственно [372] 14-й танковой дивизии (без 2-го дивизиона), штаба 4-го артиллерийского полка дивизии с 3-м дивизионом 4-го артполка (без 1-й батареи), 1-й батареи 4-го артполка, 1-й батареи 607-го мортирного дивизиона (приданная из корпуса часть, 210-мм мортиры), 1-й батареи 60-го артиллерийского дивизиона (приданная корпусная часть, 100-мм пушки K18), 1-й роты 4-го батальона истребителей танков из 14-й танковой дивизии, 36-го танкового полка 14-й танковой дивизии (без 1-й усиленной роты) со 2-й ротой 13-го моторизованного саперного батальона, части моторизованного батальона связи и 2-го взвода 4-й саперной роты 14-й танковой дивизии. Таким образом, даже на тактическом уровне, при ведении боя лишь частью дивизии, она могла использовать мощные и подвижные средства борьбы корпусного звена.

Помимо артиллерии общего назначения, корпусу придавались отдельные противотанковые батальоны. Они комплектовались как самоходными орудиями, так и буксируемыми автомашинами 37-мм пушками Pak 35/36. Корпусу Э. фон Макензена придавался 652-й моторизованный батальон истребителей танков. Штатная численность батальона составляла 36 орудий.

Еще одним специфическим видом артиллерии корпусного уровня были отдельные батальоны САУ «Штурмгешютц». Эти САУ выполняли у немцев те же функции, что и танки непосредственной поддержки пехоты у союзников. Корпусу Э. фон Макензена был придан один такой батальон, 191-й. По штату от 18 апреля 1941 года батальон «Штурмгешютцев» разбивался на три роты (батареи). Каждая батарея, в свою очередь, состояла из трех взводов — по две САУ StuGIII и по одному бронированному транспортировщику боеприпасов Sd.Kfz.252 в каждом. Кроме того, одна машина была в составе штаба батареи. Итого штатная численность батальона составляла 21 САУ.

Приземистые, хорошо бронированные самоходки были сильным противником. Они могли сбивать огневые точки, мешающие продвижению пехоты, подбираться вплотную к амбразурам ДОТов, бороться с танками. Как правило, батальон «Штурмгешюцев», придававшийся армейскому [373] корпусу. внутри корпуса распределялся между дивизиями — в среднем по батарее на дивизию, действующую в первом эшелоне.

Разумеется, у созданного немцами инструмента были свои недостатки. Необходимость везти за танками топливо, боеприпасы, пехоту, ремонтные средства привела к включению всего штат множества грузовых и специальных автомашин. Это привязывало механизированные соединения Вермахта к крупным автомагистралям. В большинстве крупных и успешные операций у ударов моторизованных и танковых корпусов имелись оси, опирающиеся на то или иное шоссе. Немцы называли такие шоссе «Panzerstrasse» — «танковая дорога» или, на авиационный манер, «Rollbahn» (рулежная дорожка). На этих дорогах запрещалось перемещение гужевого транспорта и маршевых колонн пехоты. Они резервировались только для передвижения транспорта моторизованных соединений.

Тактически предполагались объединения под управлением моторизованного корпуса танковых, моторизованных и пехотных дивизий. При кажущейся нелепости сочетания под одним командованием «коня и трепетной лани» в лице моторизованных и насыщенных лошадьми пехотных дивизии в этом был вполне простой и очевидный смысл. Движение моторизованного корпуса происходило пошагово. Сначала все дивизии корпуса вставали плечом к плечу, максимально суживая фронт каждого соединения. Атака крупной массой на узких участках приводила к прорыву. После прорыва фронта вперед продвигались танковые дивизии, захватывали тот или иной рубеж или плацдарм и занимали там оборону. Тем временем за танковыми дивизиями пешим порядком двигалась пехота, занимая позиции на флангах, тем самым защищая корпус от фланговых ударов обороняющегося.

Под танковые контратаки подставлялись более прочные и менее ценные пехотные дивизии. Продвижение последних происходило по проселочным дорогам, параллельным «панцерштрассе», являющейся осью наступления. После того как

пехота подходила достаточно близко, танковые и моторизованные дивизии продолжали продвижение вперед. В тексте мемуаров «От Буга до Кавказа» довольно часто встречается [374] упоминание о смене танковых дивизий пехотой, с целью высвобождения подвижных соединений для дальнейших прорывов.

Теперь необходимо сказать несколько слов о том, как все эти приемы использовались на практике. Большую часть кампании 1941 года III моторизованный корпус Э. фон Макензена находился на левом фланге немецкого наступления и был вынужден отражать многочисленные контратаки советских войск. Наиболее примечательной его акцией на этом поприще был прорыв к Киеву и удержание Житомирского шоссе до подхода пехоты. После прорыва фронта перед немецкими танкистами часто оказывалась пустота, в которой можно было двигаться совершенно беспрепятственно. Но в данной ситуации сдерживающим фактором была необходимость защиты флангов до подхода своей пехоты. Нормальным отрывом от пехоты считались 30- 50 км. Отрыв на 50-70 км, как правило, (на восточном фронте) приводил к трудностям в снабжении вследствие перехвата коммуникаций. Полоса 30-50 км была, в общем-то, максимальным фронтом, который был способен удержать моторизованный корпус. При этом в условиях растянутого фронта сплошная линия траншей не создавалась, оборона строилась на базе нескольких опорных пунктов с круговой обороной, пространство между которыми простреливалось из пулеметов и орудий.

Вообще нужно сказать, что возможность ведения боя в условиях окружения считалась специфической особенностью боевого применения танковых войск. В условиях глубоких прорывов неизбежно складывалась угроза тылу боевых групп дивизий со стороны обойденных, но не потерявших боеспособность частей противника. Поэтому одним из приемов ведения операций был так называемый «Еж» (Igel), когда боевая группа танковой дивизии организовывала круговую оборону занятого населенного пункта, узла дорог или плацдарма.

Второй типичный вариант боевого использования танковых соединений Вермахта — удержание внутреннего фронта окружения. В 1941 году такую задачу корпусу Э. фон Макензена пришлось выполнить только один раз — в октябре [375] под Мелитополем.

В общем же случае это была типичная для немецких танковых войск задача. Прорвавшись в глубину обороны, танковые корпуса занимали оборону фронтом к окруженным. Как правило, для этого использовались водные рубежи, позволявшие эффективно обороняться на широком фронте. Для окружения 3-й и 10-й армий Западного фронта в июне 1941 года в Белоруссии таким рубежом стала река Зельвянка. Под Уманью, где в начале августа 1941 года были окружены 6-я и 12-я армии, немецкая 11-я танковая дивизия преградила советским войскам путь на восток обороной на реке Синюхе.

Часто при окружении крупных группировок немцы предпочитали облегчать задачу танкистов и помимо глубокого охвата танковыми клиньями осуществлять окружение с меньшим замахом при помощи пехоты. Тем самым отсекалась часть войск, которая могла бы ударить по стоящим на внутреннем фланге «котла» моторизованным корпусам. Корпус Макензена под Мелитополем действовал по наиболее простой схеме, выполняя роль наковальни, на которую наступающий с запада XXXXIX горный корпус Кюблера отбрасывал войска советских 9-й и 18-й армий. Впрочем, в октябре 1941 года немецкие танковые войска были уже значительно ослаблены и уже являлись скорее не наковальней, а ситом, через которое горные егеря «продавливали» части двух советских армий. В итоге значительной части войск 9-й и 18-й армий удалось прорваться к своим — даже несмотря на отсутствие каких-либо попыток деблокировать их извне.

В мае 1942 года под Харьковом бои вели еще не полностью пришедшие в себя дивизии. 16-я танковая дивизия получила новые танки, из 89 боевых машин в двух танковых батальонах дивизии 25 танков Pz.III были вооружены 60-калиберной 50-мм пушкой. Поступили в дивизию и БТР «Ганомаг», ими теперь были вооружены две роты, сведенные под командование батальонного штаба. Соединение наконец-то получило 10-см пушки. Однако в 16-й танковой дивизии после зимних боев осталось всего два батальона пехоты — семь рот, включая две на БТР «Ганомаг». Это существенно уменьшало ее возможности. [376]

Лето 1942 года было своего рода расцветом танковых соединений Вермахта. Перед

летним наступлением была проведена реорганизация, в результате которой выделенные для участия в операции «Блау» дивизии получили третий танковый батальон, а моторизованные дивизии — один танковый батальон. Так моторизованные дивизии Вермахта наконец-то получили танки. 60-я моторизованная дивизия в период второго сражения III танкового корпуса за Ростов уже получила 160-й танковый батальон, переформированный из 1-го батальона 18-го танкового полка 18-й танковой дивизии. На 7 июля 1942 года он насчитывал 17 танков Pz.II, 35 танков Pz.III с 50-мм 60-калиберным орудием, 4 танка Pz.IV с длинноствольным 75-мм орудием и один командирский танк.

По аналогичной схеме реорганизовывались и другие подвижные соединения, принявшие участие в описанных Э. фон Макензеном боях.. Все они получили батальоны танков из дивизий на пассивных участках фронта. 16-я танковая дивизия получила третий батальон в свой танковый полк за счет переформирования 2-го батальона 10-го танкового полка 8-й танковой дивизии. 14-я танковая дивизия стала трехбатальонной за счет 1 -го батальона 7-го танкового полка 10-й танковой дивизии, 13-я танковая дивизия — из 3-го батальона 29-го танкового полка 12-й танковой дивизии.

Тем самым танковые дивизии, предназначенные для использования в летней кампании 1942 года, получили оптимальную организационную структуру.

Было оптимизировано также вооружение мотопехоты. Если ранее пехота танковых и моторизованных дивизий отличалась в основном тем, что перемещалась на марше на автомобилях, то в 1942 году мотопехота получила дополнительные огневые возможности. Теперь по введенному в ноябре 1941 года штату K.StN.I 114 каждое отделение мотопехоты из десяти пехотинцев и одного унтер-офицера получило два ручных пулемета MG-34 — вместо одного в обычной пехоте. Вместе с тем мотопехотный взвод был облегчен, он имел три отделения пехоты вместо четырех в пехотных взводах. Это позволяло перемещать взвод на пяти легких грузовиках Kfz.70 (Krupp [377] «Protze» L2H143, Steyer 1500A, Horch-108, Horch-801, Mer des-Benz L1500A).

Причины такой экономии вполне прозрачны: во взводе мотопехоты имелось отделение

«бездельников» — водителей грузовиков, которые формально не участвовали в бою. Но нехватка активных штыков компенсировалась наращиванием огневой мощи на уровне роты. В мотопехотной роте был введен взвод тяжелого оружия из трех отделений, двух пулеметных (по два станковых МГ-34) и одного минометного (два 81-мм миномета). Таким образом, рота мотопехоты (5 офицеров, 38 унтер-офицеров и 185 солдат) вооружалась четырьмя станковыми, восемнадцатью ручными пулеметами и двумя 81-мм минометами.

Для сравнения — рота обычной пехоты вооружалась только двенадцатью ручными пулеметами и одним-тремя 50-мм минометами. То есть у пехотинцев подвижных соединений оказалось почти вдвое больше пулеметов, чем в ротах пехотных дивизий.

Еще больше пулеметов было в ротах мотопехоты на БТР «Ганомаг» — за счет наличия пулеметов собственно на БТРах. Каждый взвод мотопехоты по штату ICStN.1114 получал три БТРа, по одному на отделение. Еще четыре «Ганомага» было во взводе тяжелого оружия. Всего в роте мотопехоты на БТР было тридцать четыре ручных и четыре станковых пулемета, два 81-мм миномета на 5 офицеров, 38 унтер-офицеров и 169 солдат. Такое насыщение автоматическим оружием было следствием анализа боевого опыта прошлых кампаний, когда захватить тот или иной объект удавалось почти без боя, а вот оборона его от контратак Красной Армии оказывалась сложной задачей при растянутом фронте вставших в оборону танковых дивизий.

Вместе с тем летом 1942 года танковый парк дивизий Вермахта оставался неоднородным. В период сражения под Купянском ветеран танкового корпуса Э. фон Макензена, 14-я танковая дивизия, состояла из трех танковых батальонов, которые на 20 июня 1942 года насчитывали: 14 танков Pz.II, 41 танк Pz.III с 50-мм короткоствольным орудием, 19 [380] танков Pz.III с 50-мм 60-калиберным орудием, 20 танков Pz.IV с 24-калиберным 75-мм «окурком», 4 танка Pz.IV с 75-мм длинноствольным орудием и 4 командирских танка. 16-я танковая дивизия в начале второго сражения за Ростов 1 июля 1941 года насчитывала 13 танков Pz.II, 39 танков Pz.II с 50-мм короткоствольным орудием, 18 танков Pz.II с 50-мм 60-калиберным орудием, 15 танков Pz.IV с 24-калиберным 75-мм орудием, 12 танков Pz.IV с 43-калиберным 75-мм орудием

и 3 командирских танка. На тот же день 1 июля 1942 года 22-я танковая дивизия (тогда еще двухбатальонная) насчитывала 28 танков Pz.II, 114 танков Pz.38(t), 12 танков Pz.III с 50-мм 60-калиберным орудием, 11 танков Pz.IV с 24-калиберным 75-мм орудием и 11 танков Pz.IV с 43-калиберным 75-мм орудием. Спустя год после начала войны немецкие танковые дивизии хотя бы частично вооружились танками, способными вести бой с Т-34 и КВ. Это было своего рода ответом на увеличение доли танков этих типов в танковых войсках Красной Армии.

В 1934-1940 годах в Германии была создана весьма совершенная организационная структура танковых войск, позволявшая динамично проводить операции огромного масштаба и значимости. Моторизованные (танковые) корпуса Вермахта, одним из которых командовал Э. фон Макензен, стали опорой «блицкрига». Поэтому в поисках причин успехов Германии в начальном периоде войны нужно обратить свой взгляд именно на них, а не на мифические и реальные недостатки собственной армии. В руках у противника был своего рода «меч-кладенец», симметричного ответа которому не удавалось найти довольно долго. Эквивалентом немецких танковых корпусов в СССР стали танковые армии, первое успешное выступление которых относится к периоду Сталинградской битвы. К осени 1943 года организационная структура танковых армий была окончательно сбалансирована, и они стали инструментом успешных наступательных операций Красной Армии 1943-1944 годов.

Алексей Исаев

Источник: От Буга до Кавказа. Герман Гейер. IX армейский корпус в Восточном походе 1941 года. Эберхард Макензен. От Буга до Кавказа. III танковый корпус в компании против Советской России 1941-1942 годов. АСТ издательство. Транзиткнига., Москва, 2004.